

«СКАЗКА О МЁРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ
БОГАТЫРЯХ» А.С. Пушкин (Текст в общественном
достоянии. Источник: ru.wikisource.org)

**«СКАЗКА О МЁРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ
БОГАТЫРЯХ»**

автор Александр Сергеевич Пушкин

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна Села
ждать его одна.
Ждёт-пождёт с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядячи
С белой зори до ночи; Не
видать милого друга!
Только видит: вьётся вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белёшенька земля.
Девять месяцев проходит, С
поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог даёт царице дочь.
Рано утром гость желанный, День
и ночь так долго жданный,
Издавеча наконец
Воротился царь-отец. На
него она взглянула,
Тяжелёшенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен, Но
как быть? и он был грешен; Год
прошёл, как сон пустой, Царь
женился на другой.

Правду молвить, молодица

Уж и впрямь была царица:

Высока, стройна, бела,

И умом и всем взяла; Но

зато горда, ломлива,

Своенравна и ревнива.

Ей в приданое дано Было

зеркальце одно;

Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила И,
красуясь, говорила:
«Свет мой, зеркальце! скажи Да
всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?» И
ей зеркальце в ответ:
«Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее». И
царица хохотать,
И плечами пожимать, И
подмигивать глазами,
И прищёлкивать перстами, И
вертеться подбочась, Гордо в
зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва, Нраву
кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.

Сват приехал, царь дал слово, А
приданое готово:
Семь торговых городов
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица, наряжаясь Перед
зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
Что же зеркальце в ответ?
«Ты прекрасна, спору нет; Но
царевна всех милее, Всех
румяней и белее».
Как царица отпрыгнёт,
Да как ручку замахнёт,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!..
«Ах ты, мерзкое стекло!
Это врёшь ты мне назло.
Как тягаться ей со мною? Я
в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела:
Мать брюхатая сидела
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей Быть
во всём меня милей?

Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше, Хоть
весь мир; мне ровной нет. Так
ли?» Зеркальце в ответ:
«А царица всё ж милее,
Всё ж румяней и белее».
Делать нечего. Она,
Чёрной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку
И наказывает ей, Сенной
девушке своей,
Весть царицу в глушь лесную И,
связав её, живую
Под сосной оставить там На
съедение волкам.

Чёрт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царицей
Вот Чернавка в лес пошла И
в такую даль свела,
Что царица догадалась, И
до смерти испугалась,
И взмолилась: «Жизнь моя! В
чём, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица, Я
пожалую тебя».
Та, в душе её любя,

Не убила, не связала, Отпустила
и сказала:

«Не кручинься, бог с тобой». А
сама пришла домой.

«Что? — сказала ей царица, — Где
красавица-девица?»

— «Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она, —

Крепко связаны ей локти;

Попадётся зверю в когти,

Меньше будет ей терпеть,

Легче будет умереть».

И молва трезвонить стала:

Дочка царская пропала!

Тужит бедный царь по ней.

Королевич Елисей, Помолясь

усердно богу, Отправляется в

дорогу

За красавицей-душой, За

невестой молодой.

Но невеста молодая, До

зари в лесу блуждая,

Между тем всё шла да шла И

на терем набрела.

Ей навстречу пёс, залая,

Прибежал и смолк, играя; В

ворота вошла она,

На подворье тишина.
Пёс бежит за ней, ласкаясь, А
царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась. И
царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут; Знать,
не будет ей обидно. Никого
меж тем не видно. Дом
царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась И
тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:
Входят семь богатырей, Семь
румяных усачей.
Старший молвил: «Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал

Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися, С
нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названный.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица».

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок,
Рюмку полную наливали, На
подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломилла,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать. Отвели
они девицу
Вверх во светлую светлицу И
оставили одну, Отходящую
ко сну.

День за днём идёт, мелькая, А
царевна молодая
Всё в лесу, не скучно ей У
семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять, Серых
уток пострелять, Руку

правую потешить, Сорочина
в поле спешить, Иль башку с
широких плеч У татарина
отсесть,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса,
А хозяйюшкой она
В терему меж тем одна
Приберёт и приготовит,
Им она не прекословит,

Не перечат ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело, Всех
их семеро вошло.
Старший молвил ей: «Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя Взять
тебя мы все бы рады, Да
нельзя, так бога ради Помири
нас как-нибудь: Одному
женою будь, Прочим
ласковой сестрою. Что ж
качаешь головою?
Аль отказываешь нам? Аль
товар не по купцам?»

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,— Им
царевна говорит, —
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;

Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей».

Братья молча постояли
Да в затылке почесали.
«Спрос не грех. Прости ты нас,
Старший молвил поклонясь, —
Коли так, не заикнуса
Уж о том». — «Я не сержуся, —
Тихо молвила она, —
И отказ мой не вина».
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились, И
согласно все опять Стали
жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая, Не
могла простить её,
А на зеркальце свое Долго
дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и, сев
Перед ним, забыла гнев,
Красоваться снова стала И
с улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи
Да всю правду доложи:

Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?» И
ей зеркальце в ответ:
«Ты прекрасна, спору нет; Но
живёт без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей». И
царица налетела
На Чернавку: «Как ты смела
Обмануть меня? и в чём!..» Та
призналася во всём:
Так и так. Царица злая, Ей
рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пёс залаял, и девица

Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой Отгоняя
пса. «Постой, Бабушка, постой
немножко, — Ей кричит она в
окошко, — Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу». Отвечает
ей черница:

«Ох ты, дитятко девица! Пёс
проклятый одолел, Чуть до

смерти не заел. Посмотри,
как он хлопочет!
Выдь ко мне». — Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пёс ей под ноги — и лает, И
к старухе не пускает;

Лишь пойдет старуха к ней, Он,
лесного зверя злей,
На старуху. «Что за чудо?
Видно, выпался он худо, — Ей
царевна говорит, —
На ж, лови!» — и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
«Благодарствую, — сказала. —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!» И
к царевне наливное,
Молодое, золотое Прямо
яблочко летит...
Пёс как прыгнет, завизжит... Но
царевна в обе руки
Хвать — поймала. «Ради скуки,
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед», —
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала... И
с царевной на крыльцо Пёс
бежит и ей в лицо Жалко
смотрит, грозно воеет, Словно
сердце пёсье ноет, Словно
хочет ей сказать: Брось! —
Она его ласкать, Треплет
нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» — и в комнату вошла,

Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно Соку
спелого полно,
Так свежо и так душисто, Так
румяно-золотисто, Будто
медом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда, не стерпела, В
руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа Головой
на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращались толпой
С молодецкого разбоя. Им
навстречу, грозно воя, Пёс
бежит и ко двору

Путь им кажется. «Не к добру!
Братья молвили, — печали Не
минуем». Прискакали,
Входят, ахнули. Вбежав, Пёс
на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом, знать, оно. Перед
мертвую царевной Братья в
горести душевной Все
поникли головой
И с молитвою святой
С лавки подняли, одели,
Хоронить её хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна. Сотворив
обряд печальный, Вот они во
гроб хрустальный Труп
царевны молодой Положили —
и толпой Понесли в пустую
гору,
И в полуночную пору
Гроб её к шести столбам
На цепях чугуновых там

Осторожно привинтили, И
решёткой оградили;
И, пред мертвою сестрой Сотворив
поклон земной, Старший молвил:
«Спи во гробе. Вдруг погасла,
жертвой злобе, На земле твоя
краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима — Не
досталась никому, Только
гробу одному».

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая, Втайне
зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
«Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?»
И услышала в ответ:
«Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

За невестою своей Королевич
Елисей
Между тем по свету скачет. Нет
как нет! Он горько плачет, И
кого ни спросит он,

Всем вопрос его мудрѣн;
Кто в глаза ему смеѣтся,
Кто скорее отвернѣтся;

К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
«Свет наш солнышко! ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь Зиму с
теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете Ты
царевны молодой?»

Я жених ей». — «Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало, —
Я царевны не видало.
Знать, её в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь её да встретил
Или след её заметил».

Темной ночью Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
«Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченный рожок!
Ты встаёшь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий,
И, обычай твой любя, Звёзды
смотрят на тебя. Аль
откажешь мне в ответе? Не
видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей». — «Братец мой, —
Отвечает месяц ясный, —
Не видал я девы красной.
На стороже я стою Только
в очередь мою.
Без меня царевна видно Пробежала».
— «Как обидно!» — Королевич
отвечал.

Ясный месяц продолжал:
«Погоди; об ней, быть может,
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай, Не
печалься же, прощай».

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
«Ветер, ветер! Ты могуч, Ты
гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе.
Не боишься никого, Кроме
бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених её». — «Постой, —
Отвечает ветер буйный, — Там
за речкой тихоструйной Есть
высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов. Не
видать ничьих следов Вкруг
того пустого места, В том
гробу твоя невеста».

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал
И пошел к пустому месту
На прекрасную невесту
Посмотреть ещё хоть раз.
Вот идёт; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг неё страна пустая;
Под горою темный вход. Он
туда скорей идёт.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном. И
о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.

Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами, И,
качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
«Как же долго я спала!»
И встает она из гроба...
Ах!.. и зарыдали оба.
В руки он её берет
И на свет из тьмы несёт,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва: Дочка
царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела

Перед зеркальцем своим И
беседовала с ним, Говоря:
«Я ль всех милее, Всех
румяней и белее?» И
услышала в ответ:
«Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,
Всё румяней и белее».
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив, В
двери прямо побежала И
царевну повстречала.
Тут её тоска взяла, И
царица умерла.
Лишь её похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира Не
видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил, Да
усы лишь обмочил.
